

НА ЧЕРДАКЕ

Варя сделала два шага и остановилась. Лестница скрипела и шаталась. Ступеньки на разные лады переговаривались.

«Смотри, соррвёшься!» — трещала верхняя, с широкими щелями.

«И пусть! И пусть!» — пищала нижняя.

Варя подумала, тряхнула головой и прыгнула на площадку. Перед ней была узкая фанерная дверь.

Она толкнула её. Сквозь забитое досками окно полосами падал свет, в нём плясали разноцветные пылинки. Стропила обросли паутиной. Под ними бархатным слоем лежала пыль. Прямо на Варю по мутному воздуху шла большая серая тень.

— Фу! — сказала Варя и чихнула.

Дверь захлопнулась, тень пропала.

Чердак был весь завален хламом. Чёрный двугорбый предмет стоял между окном и сложенными рамами. Пробираясь под стропилами, Варя задела его плечом. Предмет взвыл страшным голосом, а со стропил посыпались мусор и труха.

— Ну-ну! — сказала Варя.

Она сдёрнула с предмета покрывавшую его клеёнку и увидела жёлтые, как нечищенные зубы, клавиши. Четырёх не хватало, вместо них темнели дырки.

Варя потрогала клавиши: они пошипели и замолчали. Тогда она растопырила пальцы и с силой ударила по ним; клавиши опустились, и Варе показалось, что рядом жалобно заплакал ребёнок.

— То-то же! — сказала она. — Очень интересно, похоже на рояль.

Под полом кто-то громко три раза стукнул.

— Не дадут поиграть... — проворчала Варя и за-дёрнула клеёнку.

За рамами в углу она увидела окованный железом сундук. Варя пробралась к нему, упёрлась ногами в кирпичную трубу и откинула тяжёлую крышку. Сундук был набит книгами. Маленькими и большими, толстыми и тонкими, без рисунков и с раскрашенными картинками.

Варя вытащила пухлую, с обгрызенными краями книжищу и раскрыла переплёт.

— «...тешествоие на Марс. Научно-фантастическая повесть для юношества», — прочитала она.

Оторванное жёлтое «Пу» лежало тут же. Восьми первых страниц не было вовсе. Зато на девятой был изображён молодой человек с козлиными рожками и подрисованными красным карандашом усиками.

Варя послюнявила палец и потёрла усики. Молодой человек покраснел от гнева, и она перевернула страницу.

— «С давних времён величайшие умы нашего времени...» — прочитала Варя.

«А где же Марс?» — подумала она.

За сундуком вдруг кто-то шевельнулся. Варя захлопнула книгу, сунула её под мышку и на всякий случай спряталась за трубу.

— Спокойно, — сказала она. — Приготовиться. Крыса.

Но из-за сундука вылез усатый котёнок. Он потёрся о трубу, выставил пистолетом ногу и стал умываться.

— Вот глупый, — пробормотала Варя. — Ты меня напугал.

Снизу опять постучали.

— Послушай, — сказала она. — Ты не знаешь, где здесь могут быть инструменты?

«Мурм... — ответил котёнок. — Мур-мур...»

Варя полезла к ящику у окна. В нём оказались четыре шпоры, железный ухват и деревянная колодка с номером сорок два.

Варя повертела ухват, взялась за шпоры и увидела под тёмным сводом маленькую заржавленную дверь. Прихватив с собой котёнка и книгу, Варя двинулась к ней через седые, обросшие пылью балки.

Дверь скрипнула и отворилась.

В квадратной, обитой железом камерке стояла тонкая металлическая тренога. Из треноги, остриём кверху, торчала жёлтая палка, на её конце была насажена круглая, вроде компаса, коробочка со стрелкой и делениями.

На подоконнике затянутого паутиной окошка лежал молоток с длинной ручкой. Рядом — серый от пыли кожаный чехол, похожий на футляр от очков.

Варя спустила котёнка на пол, положила книгу и взяла чехол в руки: он был расшит потускневшими нитками и застёгивался на хитро сплетённую пряжку.

Варя подёргала её и вытащила маленький сломанный нож. Лезвие покрылось ржавчиной, на белой костяной рукоятке было написано: «Соколу Ф. Б. 1918», — цифры наполовину стёрлись.

Варя почистила рукоятку подолом платья, уронила чехол, нагнулась. В это время в торчащей из пола металлической трубке что-то застучало, и Варя совершенно отчётливо услышала голос:

— Мама, подай, пожалуйста, тряпку.

— Наташка! — закричала Варя, припадая к трубке, так что пыль клубами вырвалась из-под ног. — Наташка, это ты там стучишь?

— Угу! — загудела трубка. — Варюшка, куда же ты провалилась?

— Наташка, я здесь, на чердаке! А ты где?

— А я здесь, в комнате, — ответила трубка. — Мама говорит: сейчас же слезай вниз. Нашла молоток или клещи?

— Нет! — крикнула Варя. — Я нашла книгу, я нашла котёнка, потом какой-то ножик...

— Сейчас же слезай вниз. Мы уже сами открыли окно!

Варя сунула нож в чехол, подобрала котёнка и полезла из каморки. На чердаке она огляделась, вернулась к сундуку. Подумала и запихнула чехол с ножом глубоко под книги, на самое дно. Потом с грохотом захлопнула крышку.

Чердак загудел. Пыль тёмной тучей взметнулась с полу. Варя зажала нос и выскочила в дверь.

ОВРАЖКИ

Всё это началось так.

— Девочки, — сказала в тот день Марья Николаевна своим дочерям Варя и Наташе, когда они обе вернулись из школы. — Девочки, я получила от дяди Бориса Матвеевича письмо. Он пишет, что задерживается в Сайгатке с геолого-разведочной экспедицией до осени, и предлагает нам летом поселиться у него на даче в Овражках. Вы хотели бы?

— Хотели бы! — закричала Варя так, что стеклянные шарики в люстре зазвенели.

— Конечно, хотели бы, — сказала Наташа.

— Тогда собирайтесь, поедем убирать дачу. Варя, достань из шкафа рюкзак, а ты, Наташа, позвони на Казанский вокзал и узнай, когда отходит ближайший поезд. И оставьте Мухе побольше молока, у неё ведь будут щенята.

...День был чудесный.

Варя пристроилась у окна вагона и, прижавшись к стеклу так, что нос сплющился в белую лепёшку, разглядывала стоящую рядом электричку. Наташа уже несколько раз открывала учебник литературы — приближались экзамены. Марья Николаевна дремала, откинувшись на спинку сиденья.

Наконец паровоз дёрнул состав. Мимо окон побежал серый, уступами, забор.

— Мама, — спросила Наташа, — когда мы с тобой последний раз были в Овражках, весь сад у дяди Бориса Матвеевича зарос георгинами, помнишь?

– Да. И георгины ждут нас. Сегодня суббота, мы сможем поработать целых два дня...

– А дом большой? – спросила Варя.

– Большой. Дядя не жил в нём три года, с тех пор как уехал на Урал с геолого-разведочной экспедицией. Варя, опусти, пожалуйста, ноги и не задирай колени к подбородку!

Наташа дёрнула ремни на окошке, но оно не открывалось. Была ещё совсем ранняя весна...

* * *

Никакой станции не оказалось.

Посреди поля стоял похожий на сарай дом. На нём тощими буквами было написано «ОВРАЖКИ» и помельче «Разъезд 48 км».

У забора, привязанный за ногу, лежал телёнок. Сердитая однорогая коза отстукивала копытами по шпалам.

Варя первая соскочила с подножки вагона и побежала по тропинке. Наташа помогла спуститься Марье Николаевне.

За полем начиналась деревня. Дальше шумел голыми ветками лес. Поле было ещё чёрное, только местами пробивалась ярко-зелёная трава. И лес был тоже чёрный, над ним с шумом кружились грачи.

– Теперь сюда, я помню! – крикнула Наташа.

Впереди показалась светлая полоска – пруд. Он весь зарос осокой, только на середине шевелилась и блестела вода.

— А вот и дядина дача!

Отсюда видна была только крыша. Она темнела между деревьями. Потом за ветками мелькнула кирпичная труба, резной балкон. Большими глазами-окнами смотрел на людей пустой дом.

— Почему дядя построил дачу так далеко от города? Даже электричка не ходит, один паровик! — спросила притихшая Варя.

— Видишь ли, девочка, этот участок получила и выбрала сама бабушка Ольга Васильевна. Ей очень понравилась такая глушь. Кстати, Варя, ты хорошо помнишь, что положила на место ключ от нашей квартиры?

— Хорошо помню, положила, — бойко ответила Варя. — Маленький и блестящий, от квартиры, я спрятала, как всегда, под дверь, а большой и ржавый, от дачи, — как ты велела, к тебе в сумочку.

— Ну, смотри... Вот и калитка.

Марья Николаевна подёргала засов, скинула его с петли. Калитка распахнулась. К остеклённой террасе вела заросшая дорожка. Разноцветные стекляшки блестели на ступеньках. Резные перила потемнели от дождя и сырости.

Наташа и Варя обежали вокруг дома.

В углу сада стояла беседка. Когда-то она была обвита хмелем, и сейчас ещё кривые засохшие стебли свисали с точёных столбиков. В беседке стояли круглый, в трещинах, стол и скамейка. У неё была оторвана спинка. На полу валялись бумажки, сухие листья. Ветер гулял под остроконечной крышей.

– Варвара! – позвала Марья Николаевна. Она сидела на ступеньке террасы, разложив на коленях содержимое сумочки. – Варвара! Где ключ от дачи?

Варя боком обошла лестницу, перелезла через перила, осторожно шагнула на террасу.

– Честное слово, – скороговоркой сказала она, – я положила его к тебе в сумочку. Большой и ржавый, от дачи. А маленький и блестящий, на тесёмке, от нашей квартиры...

– Варвара, ключа от дачи в сумке нет, а значит, и не было. Что же теперь делать? Вот и поручай тебе после этого что-нибудь!

– А в окно? Здесь целых два.

– Окно заколочено.

– Честное слово, я его сейчас расколочу!

Варя ухватилась за ставню, та щёлкнула, от неё откололась щепка, и девочка с размаху уселась на пол.

– Больно? – спросила Наташа.

– Ни капельки, – буркнула Варя.

Она вскочила, упёрлась ногой в стену...

– Нет, – сказала Марья Николаевна, вставая. – Что подумает дядя, если мы с первого же дня начнём ломать ставни? Варя, поискала бы что-нибудь вместо клещей или молотка. А ты, Наташа, помоги мне.

Варя тряхнула головой и побежала в сад. Она уже давно заметила на задней стене дома узкую деревянную лестницу, ведущую на чердак.

* * *

— Варвара, на кого же ты похожа? — ахнула Марья Николаевна, когда Варя, держа в руках котёнка, спустилась с чердака.

— А что?

Варя подошла к уже раскрытому окну и посмотрелась в стекло, как в зеркало: лица не было видно совсем, в лохматых волосах торчали какие-то хлопья, оторвавшийся пояс платья болтался на боку.

— Ой, котёнок! Откуда? — обрадовалась Наташа, высовываясь из окна. Голова у неё была повязана носовым платком, в руке она держала обмотанную тряпкой щётку.

— Оттуда. — Варя кивнула на чердак. — Там пропасть интересных вещей!.. Ну ты, не царапайся...

Она почесала котёнка, поставила его на подоконник и вдруг громко вскрикнула. Зацепившись, он вытягивал лапой у неё из кармана тесёмку, на которой болтался маленький блестящий ключ.

— Так я и знала! — всплеснула Марья Николаевна руками. — Ты перепутала ключи! Как же теперь бабушка попадёт домой? Что же ты наделала?

— Честное слово... — забормотала Варя, — я прятала этот под дверь. А большой и ржавый, от дачи... — Она подумала и мрачно добавила: — Вот что. Я еду в Москву отвозить бабушке ключ. Вернусь к вам с последним поездом.

— Да уж придётся! — вздохнула Марья Николаевна. — Только приведи себя сначала в порядок. И смотри, осторожно.

– Может быть, лучше я, Варюшка? – спросила Наташа.

– Нет. – Варя помотала головой. – Дай мне, мама, один рубль и сорок копеек на билет. И, пожалуйста, не выкидывайте без меня котёнка!

Вскоре, зажав в кулаке деньги и кинув на сестру суровый взгляд, Варя уже шагала по дорожке, покрытой прошлогодними листьями.

В ГОРОДЕ

Варя поднялась на второй этаж.

На их квартире белела бумажка. Варя сняла её и прочитала:

«Благодарю любезных родственниц за внимание. Вместо ключа от входной двери обнаружен какой-то допотопный урод, видимо, от дачи (это было подчёркнуто). Пришлось идти ночевать к знакомым. Воображаю, что будет в наше отсутствие с собакой!»

– Всё пропало, – сказала Варя. – Бабушка рассердилась.

Она присела на корточки, пошарила под дверью и вытащила из-под неё большой ржавый ключ. Достала из кармана второй, маленький, и отворила дверь.

В квартире было тихо, никто не залаял.

«Где же Муха?» – подумала Варя.

Она вошла в столовую, зажгла свет. На обычном месте Мухи не оказалось. Её подстилка валялась в углу.

Варя потрогала скатерть на столе, открыла буфет. На тарелке лежали три пирожка. Вздохнув, Варя съела их один за другим. Потом взяла с письменного стола чернильницу, лист бумаги и тут же у буфета написала:

«Дорогая бабушка! Если ты вернёшься раньше нас, извини меня, пожалуйста. Ключ от квартиры я нечаянно увезла с собой в Овражки. Всего хорошего. Покорми Муху. Варвара».

Варя поставила вместо точки кляксу, вышла на лестницу и прицепила записку к входной двери.

— Теперь проверить, где Муха, — сказала она и вздрогнула...

Из коридора донёлся странный писк. Варя на цыпочках прошла по коридору, заглянула в крайнюю дверь. В комнате было темно и совершенно явственно кто-то шевелился.

— Мама! — тихо сказала Варя.

Как бы в ответ послышался слабый мяукающий писк. Три белые кровати стояли вдоль стен. Но на одной из них двигалось что-то неясное и чёрное.

Варя бросилась вперёд.

На светлом одеяле, развалившись, лежала Муха. Около неё, попискивая и причмокивая, ползали и шевелились маленькие чёрные комочки.

— Муха, Мушечка, оценилась! — бормотала Варя. — Один, два, четыре...

И вдруг с ужасом увидела, что всё одеяло сбито и перепачкано (а это была, конечно, Варина кровать).

Варя кинулась к лампе, зажгла её, зачем-то накрыла абажур полотенцем...

— Спокойно, — твердила она. — Первое — устроить жилище. Второе — выстирать одеяло. Потом — приготовить еду...

И вдруг Варя остановилась. Как же так? Она должна вернуться с последним поездом в Овражки — до понедельника. Бабушка рассердилась и уехала — неизвестно насколько. С кем же будут Муха и щенки? Одна бы Муха — ещё полбеда. Но щенки?

* * *

Было уже половина одиннадцатого, когда Варя вышла из ворот своего дома, держа на вытянутых руках круглую, обвязанную полотенцем корзину. На улице горели фонари, смеялись и разговаривали прохожие. Освещенные трамваи со звоном катились через площадь. Вдоль тротуара бесшумно бежали блестящие машины.

— Варь, а Варь, чего тащишь? — закричал встречный мальчишка.

Варя хотела погрозить ему кулаком, чуть не выронила корзину, подхватила её и свернула за угол.

Вот и метро. Из дверей, шумя и толкаясь, вывалились весёлые пассажиры. Варя, крепко держа корзину, шмыгнула мимо них.

— Девочка, а это у тебя что? — спросила строгая контролёрша у эскалатора.

— Это, видите ли... Это, знаете ли... — начала бодрым голосом Варя.

Контролёрша засмотрелась по сторонам, и Варя прыгнула на лестницу.

Подошёл поезд. Варя влезла в последний вагон, поставила корзину у двери и нагнулась: из-под полотенца слышалось кряхтение и сладкое посапывание. Тогда она расправила платье и присела на корзину.

— Деточка, — загудел чей-то голос, — иди сюда, деточка. Граждане, уступите же место ребёнку!

Толстая пассажирка пробралась к сиденью и уселась, подзывая Варю рукой.

— Я не ребёнок, — сердито сказала Варя. — Мне скоро двенадцать.

— Скажите! — гудела пассажирка. — И куда же ты одна так поздно едешь?

— Тут, недалеко, — сказала Варя.

— Скажите! А что это ты... — не унималась пассажирка, но двери вагона раздвинулись, и новые пассажиры заслонили её.

Полотенце под Варей зашевелилось. Варя похлопала его рукой и сказала: «Лежи, лежи...» Но полотенце вовсе не желало лежать. Мало того: оно издавало теперь какие-то подозрительные звуки. Пассажиры, улыбаясь, переглядывались друг с другом.

— Ой, смотрите, что это там? — закричал вдруг кто-то, показывая на корзину. — Высовывается, смотрите!

Варя вскочила на ноги. Полотенце поёрзало, встало дыбом и вдруг залилось на весь вагон звонким лаем.

Тогда Варя в отчаянии шлёпнула по нему рукой, схватила корзину и выскочила в отворившуюся дверь.

Прямо перед ней стоял высокий, в красной фуражке и с круглой лопаткой в руке, мужчина.

— Ну-ка, девочка, — поманил он пальцем Варю. — Покажи, что это ты везёшь?

— Ничего, — прошептала непослушными губами Варя. — Это корзина.

— А в корзине что?

— А в корзине... В корзине Муха! — с отчаянием сказала Варя.

— Муха! — удивился дежурный. — Что ты мне голову морочишь? Граждане пассажиры, у кого из вас только что лаяла собака?

Он заглянул внутрь вагона. Пассажиры, пожимая плечами, с интересом смотрели друг на друга.

— Это у ней, — сказал вдруг старикашка с шарфом на шее. — У ней там животное запаковано, — и показал пальцем на корзину.

— Послушайте. — Варя тронула дежурного за рукав. — Не задерживайте, пожалуйста, поезд. Я вам сейчас всё объясню.

Дежурный поднял лопатку, поезд зашипел дверями и укатил.

— Слушаю вас, товарищ пассажир, — козырнув, обернулся дежурный к Варе и наклонился над ней, такого был высокого роста.

— Дело в том, — сказала Варя, судорожно поднимая и опуская корзину. — Дело в том, что, видите ли, в чём дело...

— Понимаю, — сказал дежурный. — За провоз неподозволенного груза с вас причитается штраф.

— Это же не груз! Это же Муха!

— Всё равно. Раз у вас мухи лают...

— И потом, у неё дети.

— У кого?

— У Мухи же!

— И много?

— Четыре. Хотите посмотреть? — Варя умоляюще взглянула на него снизу вверх.

— Хочу, — сказал он и наклонился ещё ниже. — Только скорее, а то следующий поезд подойдёт.

Вокруг них уже начали собираться любопытные.

Варя откинула полотенце. Из корзины блеснули сердитые глаза.

— Вот, видите? Один — белый. Может быть, штраф можно не платить? А то у меня денег мало.

— Вижу. Хорошие. Так и быть, не платите. Только в другой раз мух больше не возите! — Он подмигнул Варе и сразу стал похож на мальчишку.

— Хорошо, — сказала Варя. — В другой раз больше не буду. До свиданья!

Она потуже завязала полотенце и быстро пошла к выходу.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Тёплый ветер пригибает над полем мохнатые георгины. Дингли-дон-дон-дон! — звенят колокольчики. Бум-бум-бум! — ударил большой колокол...

Наташа раскрыла глаза и подняла голову.

За окном уже рассвело. Марья Николаевна так и уснула, сидя на табуретке, положив голову на стол. Громко тикали часы на её свесившейся руке, а лицо было такое усталое... Ох, уж эта Варька, не случилось ли с ней чего?

Наташа вскочила с матраца, перебежала босиком по полу, шепнула: «Мамочка, ты бы легла!..» — как вдруг опять: дингли-дон-дон-дон! Тоненько зазвенел колокольчик. Кто-то осторожно и настойчиво стучал зелёной веточкой в стекло.

Наташа на цыпочках перебежала к окну. Так и есть! За стеклом темнело круглое испуганное лицо.

— Варька, ты? — сердитым шёпотом спросила Наташа. — Куда же ты подевалась, противная девчонка?

— Опоздала на поезд, — глухо ответило лицо.

Наташа быстро обулась, натянула платье, завернулась в одеяло и тихонько вышла на террасу. Деревья, трава, забор — всё было белое от тумана. Кусты акации в саду стали похожи на беседку, а сама беседка растаяла. Варя, обмотанная полотенцем, сидела на полу и снимала мокрые ботинки.

— С ума сошла, мы с мамой просто не знали что и думать! — стуча зубами, выговорила Наташа. — Нет тебя и нет...

– Купаться пошли? – сказала Варя.
– Ты что? Там ещё, может быть, снег!
– Ну да, давно стоял. Наташка, я на вокзале первого утреннего поезда дожидалась. Наташка, у нас Муха ощенилась! Она под террасой будет жить, четыре штуки...

– Ой, Варька! – Глаза у Наташи стали круглые, как пуговицы.

– Она спит сейчас, Муха.

– Ой, Варенька, покажи!

– Нет. Сперва маме давай скажем, что я нашлась.

– Мама тебя ждала-ждала и заснула. Может, лучше её не будить?

– Конечно, лучше не будить! Тогда пошли к ручью?

– А щенков смотреть?

– Они же сейчас тоже спят! Пошли.

Девочки спустились со ступенек.

– Куда ж это я, в одеяле? – опомнилась Наташа.

– Ничего. Теплее будет.

Листья под ногами зашелестели. Где-то каркнула ворона. Небо над крышей порозовело. И на серой прошлогодней траве вдруг засветилась роса.

Минуя дорогу, через поляну девочки вошли в лес.

* * *

– Варюшка, ты как хочешь, а я не буду, – сказала Наташа.

Она стояла на бурой, обросшей мохом кочке, как цапля, поджав под себя ногу.